

АРКАДИЯ • САГА

АНИТА ДИАМАНТ

КРАСНЫЙ
ШАТЕР

АРКАДИЯ

Санкт-Петербург

2018

УДК 821.111
ББК 83.3(7)
Д44

Anita Diamant
THE RED TENT

Перевела с английского
Ольга Чумичева

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Печатается с разрешения издательства
St. Martin's Press

Диамант А.

Д44 Красный шатер : [роман] / Анита Диамант; [пер. с англ. О. Чумичевой]. — СПб. : Аркадия, 2018. — 360 с. — (Серия «Аркадия. Сага»).

ISBN 978-5-906986-21-4

Роман Аниты Диамант рассказывает о жизни библейской героини по имени Дина. Единственная дочь Иакова на страницах произведения обретает голос, убедительно доказывая, что не мужчины, а именно жены и дочери Иакова, собиравшиеся вместе в Красном шатре, чтобы готовить еду, рожать, воспитывать детей, а также передавать друг другу древние знания, и были истинными вершителями судеб.

Авторский взгляд на древнюю историю в чем-то оказывается очень современным, а в чем-то — весьма необычным, но от этого еще более привлекательным.

УДК 821.111
ББК 83.3(7)

- © Anita Diamant, 1997
- © Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.
ООО «Издательство Аркадия», 2018
- © Shutterstock, 2018

ISBN 978-5-906986-21-4

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

В романе Аниты Диамант «Красный шатер» рассказывается о судьбах библейских героев, которые предстают с непривычной для нас стороны. Так, в Ветхом Завете Дина, дочь Иакова — всего лишь эпизодический персонаж, но в «Красном шатре» именно она является главной героиней. Естественно, возникает вопрос: из чего складывается ее история? Ведь знакомого нам библейского текста явно недостаточно! Так неужели всё остальное — вымысел автора? Да ничего подобного, роман основан на глубоком знании истории Ближнего Востока, а личная драма Дины построена на материале мидрашей — сначала существовавших в устной традиции и записанных гораздо позже. Специалисты определяют мидраши как «пропущенное в священных книгах место» (по выражению Е. Витковского); эти сказания сохраняют предания, не менее древние, чем те, что вошли в иудейскую Тору и христианский Ветхий Завет. Обращаясь к этому источнику, Анита Диамант следует вековой традиции толкований и интерпретаций. Для нее главным становится женский взгляд на древнюю историю: взгляд, который в чем-то оказывается очень современным, а в чем-то — весьма необычным. В эту сюжетную канву автор искусно вплетает обширную информацию о Ближнем Востоке и Древнем Египте, при этом ни разу не впадая в дидактический тон и избегая «вставных пояснений». Кое-что может показаться странным и даже надуманным — например, одновременное уединение всех женщин в Красном шатре на новолуние. Однако современные медики и антропологи отмечают, что такая унификация цикла случается у женщин, совместно проживающих в небольшой замкнутой группе. Повествование отличается удивительной точностью исторических и бытовых реалий, когда автор говорит о приготовлении еды, организации

жизни, религии людей из разных племен и кланов. Пестрая картина древних ближневосточных верований отражается в упоминании множества богов и богинь, ритуалов, легенд, создающих дополнительную реальность. Иногда романистка заставляет нас гадать и домысливать — например, что случилось во время знаменитого эпизода «битвы Иакова с ангелом».

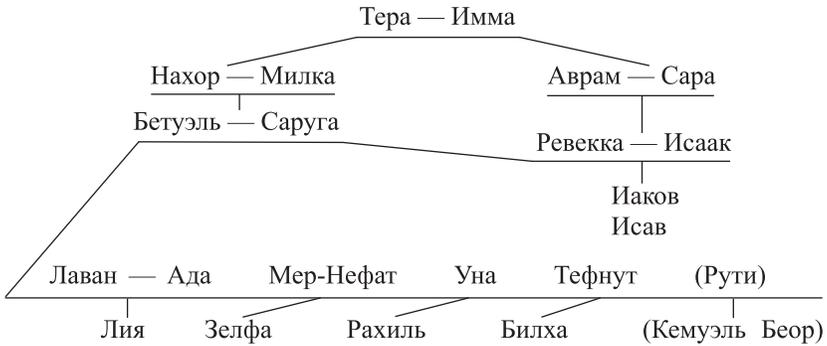
Автор последовательно использует архаические варианты имен, типичные для иудейской традиции, но зачастую менее знакомые российским читателям. Так, она называет прародителей Abram и Sarai, что соответствует исходным именам Аврам и Сара, еще до получения ими обновленных имен (в английском варианте Abraham и Sarah). При переводе большинство имен было приведено к привычной ветхозаветной форме, но в некоторых случаях сохраняется их историческое звучание: например, Билха, а не Валла (как в синодальной Библии); жена Исава названа Адат, а не Ада, чтобы отличать ее от Ады, супруги Лавана (в оригинале романа их имена также написаны по-разному, но в русской традиции обе эти женщины носят имя Ада); принца Сихема в романе зовут Салим, хотя в русской традиции можно встретить этого персонажа как Сихема, Шихема (соименного городу) или Шалима... Ориентироваться в большой семье потомков Аврама и Сары, а также их египетских и ханаанских родственников поможет составленное автором генеалогическое древо, а варианты имен или необычные, отличные от привычных нам ветхозаветных, детали сюжета не должны смущать читателя. Ведь речь идет о художественном произведении: да, роман богат историческими реалиями, но в то же время это очень личный и эмоциональный взгляд на историю.

Ольга Чумичева

Моей дочери Эмили

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО

ПЕРВЫЕ ПОКОЛЕНИЯ

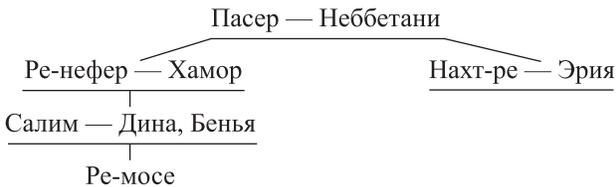
ДЕТИ ИАКОВА

Иаков — Лия	Зелфа	Рахиль	Билха
Рувим	Гад	Иосиф	Дан
Симон	Асир	Беньямин	
Левий			
Иуда			
Зевулон			
Нафтали			
Иссахар			
Дина			

ДЕТИ ИСАВА

Исав — Адат	Васемафа	Оливема
Елифаз	Рагуил	Иеус
Эдва	Тавея	Иеглом
Ливве		Корей
Амат		Ити

ДИНА В ЕГИПТЕ

П Р О Л О Г

Мы так давно потеряли друг друга, родная!.. Мое имя ничего для тебя не значит. Сама память обо мне обратилась в прах.

Это не твоя вина и не моя. Цепь, связывающая мать и дочь, разорвана, и слово взяли мужчины, которые о многом не имеют понятия. В их устах я превратилась лишь в мимолетное упоминание, в незначительную деталь в истории моего знаменитого отца Иакова и прославленного брата Иосифа. В тех редких случаях, когда обо мне всё-таки вспоминают, я предстаю безгласной жертвой. В священной книге есть лишь краткий фрагмент, где утверждается, что я была обесчещена из-за собственного легкомыслия, а далее следует кровавая история о том, как братья отомстили за мою поруганную честь.

Странно, что после этого некоторые матери всё еще называют дочерей моим именем — Дина; но, представьте себе, такие находятся. Наверное, они подозревают, что я — нечто большее, чем безмолвная сноска, второстепенное примечание в священном тексте. А возможно, они расслышали в моем имени музыку: первая гласная — высокая и чистая, как будто мать зовет ребенка на закате, а вторая — мягкая и округлая, словно бы она что-то шепчет ему на ухо. Ди-и-на-а...

Никто никогда не рассказывал ни о моих способностях повитухи, ни о песнях, которые я пела, ни о том, какой хлеб я выпекала для своих ненасытных братьев. Все, что от меня осталось, — лишь горстка искаженных слов, несколько лживых подробностей о неделях пребывания в Сихеме.

Поэтому мне надо немало рассказать вам. С чего же начать? Наверное, с истории моих матерей, с поколения тех, кто меня вырастил... Да, это единственно правильная точка отсчета. Если вы хотите понять женщину,

то спросите ее о матери, а затем внимательно выслушайте рассказ. Многие вам скажут истории про приготовление еды. Грустное молчание дополнит невысказанное. Чем больше дочь знает о жизни своей матери, тем сильнее она становится.

Конечно, в моем случае это непростая задача: ведь у меня было целых четыре матери, и каждая ругала, учила, баловала на свой манер, дарила мне особенные подарки, помогала справляться с теми или иными страхами. От Лии, которая родила меня, я унаследовала гордый нрав. Рахиль обучила меня ремеслу повитухи и показала, как подвязывать волосы, чтобы они не лезли в глаза. Зелфа научила меня думать, а Билха — слушать. Каждая из них по-своему приправляла мясную похлебку. У каждой был свой особый тон для беседы с моим отцом — он же с ними со всеми говорил одинаково. Да, вам следует знать, что мои матери были родными сестрами, дочерьми Лавана от разных жен, хотя дед никогда не признавал Билху и Зелфу, не желая давать им приданое: он был тем еще скрягой.

Как любые сестры, вынужденные жить вместе и делить общего мужа, моя мать и тетки образовывали запутанный клубок взаимных пристрастий и претензий. Они торговали секретами, словно браслетами, и всё это обрушивалось на меня, ибо я была единственной выжившей девочкой в семье. Они частенько говорили вещи, которые мне было рано слушать. А затем брали мое лицо в ладони и заставляли клясться, что я этого не забуду.

Мои матери гордились тем, что дарили отцу сыновей. Сыновья — извечный предмет родительского тщеславия и мера ценности жены. Но с другой стороны, непрерывное появление на свет одних только мальчиков немного огорчало Лию и ее сестер. Отец похвалялся своим шумным потомством, и все его супруги любили моих братьев, но втайне мечтали о дочерях и, беседуя между собой, потихоньку сокрушались, что никак не могут зачать от Иакова девочку.

Дочери облегчали бремя материнских забот: они помогали женщинам прясть и молоть зерно, присматривали

за маленькими мальчиками, которые вечно мочились по углам шатров, сколько бы им ни твердили, что это плохо.

Но была у женщин и еще одна причина желать рождения девочек: ведь только дочери сохраняли память о них. Сыновья не слушали истории матерей и отдалялись от них, едва лишь чуть-чуть подрастали. А я была единственной девочкой в семье. Моя настоящая мать и мои тетки-матери рассказывали бесконечные истории о себе. Чем бы ни были заняты их руки: баюкали младенцев, готовили еду, пряли, ткали — уста изливали на меня поток речей, наполнявших мои уши.

В ржавой тени Красного шатра — шатра, куда женщины уходили кровоточить, они, перебирая мои кудри, делились воспоминаниями о проделках юности, излагали саги о рождении детей. Их истории были подношениями надежды и силы Царице Небесной, но дары эти предназначались только мне одной, и никому больше.

Я до сих пор чувствую их любовь ко мне. Я лелею ее в своей душе. Она поддерживала меня и помогала мне выжить. Так было всегда, даже когда я навеки рассталась с этими женщинами. И даже теперь, много лет спустя после их смерти, память о них служит мне утешением.

Я поведала предания моих матерей следующему поколению, но история моей собственной жизни была запретной темой, и от этого молчания сердце мое едва не разорвалось. Но я не умерла, я прожила достаточно долго, чтобы другие истории заполнили мои дни и ночи. Я смотрела, как младенцы впервые открывают глаза навстречу новому миру. Я находила причины для смеха и для благодарности. Я была любима.

А теперь ко мне пришли вы — женщины с руками и ногами мягкими, как у царицы; у вас больше кухонной посуды, чем нужно; вам дарованы безопасное деторождение и возможность говорить свободно. И вот вы здесь — жадные до историй, давно утраченных. Вы тоскуете по словам, которые могут заполнить великую тишину, поглотившую меня, как прежде она поглощала моих матерей

и бабушек. Ужасно, сколь многое утрачено, и я хотела бы больше рассказать о женщинах, чья память представляется мне священной.

Я благодарна, что вы пришли. Я выплесну на вас всё накопившееся, так что, покинув меня, вы многое узнаете и станете сильнее. Да будут благословенны ваши глаза. Да будут благословенны ваши дети. Да будет благословенна земля, по которой вы ступаете. Сердце мое, словно черпак, до краев наполненный свежей водой.

Да будет так.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИСТОРИИ МОИХ МАТЕРЕЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Их истории начинаются с того дня, когда появился мой отец. Рахиль бежала между шатрами, высоко вскидывая колени, словно теленок, отлученный от матери. Но прежде, чем кто-нибудь успел отругать Рахиль за то, что она ведет себя, как мальчишка-сорванец, она, едва переводя дыхание, обрушила на родных целый поток слов, и слова ее были подобны воде, которая впитывается в песок.

Там, у колодца, ей повстречался незнакомец. Такой странный, дикий на вид: он был без сандалий, волосы спутанные, а лицо грязное. Он поцеловал ее в губы. Этот незнакомец оказался их двоюродным братом, сыном тети. Он помог ей напоить овец и коз и прогнал от колодца грубиянов, оскорблявших ее.

— Что это ты бормочешь? Объясни толком! — потребовал Лаван, отец Рахили. — Кого ты повстречала у колодца? Какой там еще брат? Откуда он взялся? Сколько у него поклажи?

— Он собирается жениться на мне, — выпалила Рахиль на одном дыхании, как будто это было нечто совершенно заурядное. — Он сказал, что я создана для него и, будь его воля, он бы женился на мне хоть завтра. Он собирается поговорить об этом с тобой, отец.

При этих словах Лия нахмурилась.

— Жениться на тебе? — Сестра скрестила руки на груди и пожала плечами. — Да ведь ты вступишь в брачный возраст не раньше, чем через год. — Сама Лия была на несколько лет старше Рахили и держалась, как взрослая женщина: этакая четырнадцатилетняя хозяйка дома Лавана, высокомерная и снисходительная к младшей сестре, которую считала ребенком. — О чем ты говоришь? И как этот человек осмелился поцеловать тебя?

Поцелуй считался грубейшим нарушением правил благопристойного поведения, пусть даже речь шла о двоюродном брате, а Рахиль была совсем еще девочкой.